

А.А. Леонтьев

**ПРИКЛАДНАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА**
речевого
общения
и массовой
коммуникации

Алексей Леонтьев

**Прикладная психолингвистика
речевого общения и
массовой коммуникации**

НПФ «Смысл»

2011

Леонтьев А. А.

Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / А. А. Леонтьев — НПФ «Смысл», 2011

ISBN 978-5-91896-020-2

В книгу включены работы разных лет выдающегося отечественного ученого, основателя психолингвистики в нашей стране Алексея Алексеевича Леонтьева (1936—2004), посвященные прикладным вопросам психолингвистики. Освещаются вопросы речевого воздействия, в частности средствами массовой коммуникации и рекламы, функционирование языка в СМИ, речь как объект экспертизы в связи с вопросами криминалистики и судопроизводства, особенности коммуникации средствами кино и телевидения. Книга будет полезна специалистам и студентам в области психологии, лингвистики, журналистики и теории коммуникации, права.

ISBN 978-5-91896-020-2

© Леонтьев А. А., 2011

© НПФ «Смысл», 2011

Содержание

От составителей	5
I. Прикладная психолингвистика речевого воздействия	6
Основные направления прикладной психолингвистики в СССР[1]	6
Проблемы и методы психолингвистики в межличностном общении[2]	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алексей Алексеевич Леонтьев

Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации

От составителей

Среди многочисленных как опубликованных, так и неопубликованных работ Алексея Алексеевича Леонтьева (1936—2004) большое место занимают его работы, посвященные конкретным вопросам прикладной психолингвистики в социальной и массовой коммуникации. Эти работы охватывают период от конца 1960-х гг., когда А.А. Леонтьев создал и возглавил исследовательскую группу по психолингвистике и теории коммуникации в Институте языкознания АН СССР, и до последних лет его жизни, когда он принимал активнейшее участие в междисциплинарных исследовательских проектах по языку СМИ и психолингвистической экспертизе СМИ, делал целый ряд лингвистических и психолингвистических экспертиз. К сожалению, вклад А.А. Леонтьева в прикладную психолингвистику известен хуже, чем в психолингвистику фундаментальную, основателем которой в нашей стране он считается по праву. Во многом это связано с тем, что до сих пор публикации А.А. Леонтьева по прикладной психолингвистике не были собраны в книгу. Хотя ряд исследований был обобщен и изложен в учебных пособиях А.А. Леонтьева «Психология общения» и «Основы психолингвистики», практически все его публикации на эту тему разрознены, опубликованы в малодоступных и малотиражных изданиях и никогда не переиздавались. Вместе с тем, актуальность проблем психолингвистического анализа социальной и массовой коммуникации растет с каждым годом, поэтому этот тематический сборник не только отдаст дань памяти ученого, но и будет несомненно востребован широкими кругами ученых и практиков.

Структура и членение данного сборника во многом условны. В него включены работы разных лет, затрагивающие бытование языка и текста за пределами непосредственного межличностного или лекционного общения, которому посвящены другие работы А.А. Леонтьева. Мы постарались собрать в данном издании наиболее содержательные и наименее пересекающиеся между собой тексты, в частности, написанные А.А. Леонтьевым главы в брошюре А.А. Леонтьева, А.М. Шахнаровича и В.И. Батова «Речь в криминалистике и судебной психологии» (М., 1977) и в коллективной монографии «Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и возможности его психологической диагностики» под ред. А.А. Леонтьева и Д.А. Леонтьева (М., 2004), статьи, публиковавшиеся в самых разных изданиях, а также ранее не публиковавшиеся тексты, в частности, два выступления первой половины 1990-х гг., посвященные рекламе.

Редакционная работа составителей над текстами ограничивалась минимальной стилистической правкой и оформлением текстов в соответствии с сегодняшними издательскими стандартами. В некоторых местах можно встретить неизбежные в таких случаях повторы. Эта книга рассматривалась составителями не столько как памятник научной мысли, сколько как актуальное издание, способное помочь в решении задач сегодняшней науки. Появление этой книги позволит по-новому увидеть возможности психолингвистического анализа в работе над актуальнейшими проблемами жизни общества.

I. Прикладная психолингвистика речевого воздействия

Основные направления прикладной психолингвистики в СССР¹

Психолингвистика сейчас «в моде». Из года в год появляются все новые книги, растут исследовательские группы и центры. В рамках международных конгрессов собираются секции и симпозиумы – все под тем же флагом психолингвистики (так было, в частности, на XVIII и XIX психологических конгрессах, на X Международном конгрессе лингвистов в Бухаресте в 1967 г.). Появляются статьи и доклады под названием «Психолингвистика и...» (например, «и стилистика», «и массовая коммуникация»); пришло время и для таких книг, как «Введение в психолингвистику».

Впрочем, как это бывает довольно часто, обозначаемое этим термином понятие не вполне соответствует термину. Хорошо известно, что термин «психолингвистика», хотя он и был впервые употреблен Н. Пронко (*Pronko*, 1946) в достаточно широком смысле, получил общее распространение лишь применительно к довольно узкому направлению, возглавляемому Ч. Осгудом и нашедшему особенно яркое выражение в известной книге 1954 г. (*Psycholinguistics*, 1954). Если мы сохраним это значение для термина «психолингвистика», то едва ли правомерно употреблять его, скажем, для обозначения направления американской науки, возглавляемого сейчас Н. Хомским и Дж. Миллером. Еще менее он пригоден для других зарубежных школ и направлений, пользующихся, однако, им весьма свободно, например для группы П. Фресса во Франции или группы Т. Слама-Казаку в Румынии. И уж совсем не годится термин «психолингвистика» при таком подходе для советских работ по пограничным проблемам психологии и языкознания, опирающихся нередко на методологические и конкретно-научные предпосылки, едва ли не диаметрально противоположные осгудовскому направлению – ср.: Теория речевой деятельности, 1968.

С другой стороны, термин «психолингвистика» во многом соблазнителен. Модель, по которой он образован, смело можно назвать продуктивной для метаязыка современной науки. Это вполне понятно ввиду резкого тяготения не только гуманитарных, но и точных и естественных дисциплин к заполнению «белых пятен», образовавшихся на стыках этих дисциплин, и к созданию если не новых наук, то принципиально новых направлений исследования, характеризующихся общей чертой – комплексностью. Астробиология и гистохимия, этнопсихология и медицинская антропология не вызывают сейчас удивления у широкой публики, не говоря уже о специалистах. Психолингвистика естественно становится в этот ряд. Это очень удобный «ярлык» для очень разных теорий и конкретных экспериментальных исследований, такое общее знамя, под которое сочли возможным стянуть свои полки ученые, по своим научным убеждениям достаточно далекие друг от друга. Поэтому за термином «психолингвистика» уместно сохранить его традиционно сложившееся расширенное значение.

Что же объединяет под общим знаменем психолингвистики столь далеких по своим интересам и убеждениям людей? Мы едва ли поймем это, если будем трактовать психолингвистику как комплекс имманентно развивающихся теоретических идей, как новую «науку», претендующую на то, чтобы потеснить «традиционную» психологию речи (или соответственно лингвистику). Реальные процессы развития идут иначе. Естественное развитие прикладных исследований привело (в разных областях в разное время) к тому, что психология речи, опе-

¹ Впервые опубликовано в кн.: Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М.: Наука, 1972. С. 7—24.

рирующая исключительно традиционно-психологическим научным аппаратом, и лингвистика, оперирующая исключительно традиционно-лингвистическими понятиями и методами, оказались в равно невыгодном положении перед лицом новых задач. Какие же это задачи? Самый общий ответ будет следующим: это задачи, для решения которых необходимо не только знать общие характеристики речи как процесса или высшей психической функции и не только иметь построенную на основе анализа текстов модель системы языка. Это задачи, к которым можно приступить лишь через исследование строения и закономерностей функционирования речевых механизмов человека, обеспечивающих конкретную операционную организацию речевой деятельности на разных этапах ее формирования, в различных проблемных ситуациях и при пользовании языками разных типов.

Приведем примеры. Перед ленинградским психологом И.М. Луцхиной встала задача – исследовать, как зависит успешность восприятия речевых команд в условиях шума от лингвистических характеристик этих команд, например так называемой «глубины». Это была задача типично психолингвистическая. Другой случай, может быть, еще более показательный, относится к области афазиологических исследований. Чтобы восстанавливать нарушенную речь, необходимо представлять себе достаточно ясно, какие психологические механизмы обслуживают ее на разных уровнях. В частности, подобная задача – применительно к психологической сущности предикации и вообще перехода от отдельного слова к связному высказыванию – встала перед Л.С. Цветковой. Наконец, укажем на такую задачу в области конкретной методики обучения иностранному языку, как механизм и способы «опоры на родной язык», где заведомо недостаточно простого типологического сопоставления родного и иностранного языков.

Именно появление подобных прикладных задач, обусловленное логикой развития той или иной практической области, дает стимул развитию психолингвистики как теоретической дисциплины. Конечно, как всякое новое, формирующееся научное направление, психолингвистика не может сразу обеспечить исчерпывающие ответы на все возникающие вопросы. (Да это невозможно и для «старой» дисциплины). Но это не столько недостаток ее научного аппарата, сколько ограничения, накладываемые на возможности психолингвистики нехваткой людей, оборудования, отсутствием четкой координации и организации исследований и тому подобными внешними факторами. Что же касается ограниченности внутренних возможностей психолингвистики на современном этапе, то эта ограниченность является как раз залогом того, что психолингвистика как теоретическая область будет развиваться.

Попытаемся дать обзор тех основных прикладных задач, которые стоят перед современной психолингвистикой, по возможности обозначая в каждом конкретном случае не только характер практических вопросов, но и то направление теоретического исследования, которое призвано обеспечить эти запросы. Мы будем опираться на работы, ведущиеся в СССР, рассматривая их, однако, на общем мировом фоне.

Первая по значимости прикладная область, где используется или может использоваться психолингвистика, – это, как уже говорилось выше, проблемы, связанные с эффективной организацией массовой коммуникации и, шире, с теорией и практикой целенаправленного речевого воздействия. Ни для кого не секрет, что такое воздействие только тогда может быть эффективным, когда оно опирается на ясное представление о психологических механизмах воздействия, когда мы имеем научные методы и приемы, позволяющие количественно и качественно оценить его результаты. Нередко научное обоснование эффективности речевого воздействия сводится к конкретно-социологическим исследованиям. Но это лишь одна сторона вопроса. В.И. Ленин говорил: «Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» (*Ленин*, с. 21). Как раз две последние характеристики – усвоение, или понимание, и запечатлевание, или запоминание, – в их зависимости от языковой организации

высказывания и изучаются прикладной психолингвистикой. Систематическое изучение этой проблематики в СССР только начинается, хотя именно в нашей стране еще в 20-х годах были впервые развернуты исследования в области социологии и психологии массовой коммуникации (ср., например, *Рубакин*, 1929; *Шафир*, 1927 и др.).

Первый круг вопросов, с которым здесь имеет дело психолингвистика, – это методики изучения и оценки эффективности речевого воздействия. Эта проблематика в свою очередь распадается на две проблемы: а) собственно методики и б) выбор в тексте таких опорных, или «ключевых», элементов, которые должны «представлять» текст в исследованиях его эффективности.

Одним из основных вопросов, связанных с методиками, является сама природа эффективности МК (массовой коммуникации) и ее соотношение с эффективностью речевой коммуникации в более элементарных случаях (например, при автоматическом выполнении речевых команд). Разделяя в общих чертах так называемую «функциональную» точку зрения на эффективность МК, советские специалисты в этой области опираются на общепсихологическую концепцию деятельности, получившую широкое распространение не только в советской, но и в зарубежной психологии. Мы не излагаем здесь эту концепцию, считая ее известной читателю (*Леонтьев А.А.*, 1965; *Леонтьев А.Н.*, 1965; *Лурия*, 1946). Во всяком случае очевидно, что свойственная «классической» американской психологии МК (П. Лазарсфельд и др.) упрощенно-бихевиористская трактовка эффективности неправомерна: важнейшим результатом воздействия МК является целенаправленный сдвиг в смысловом поле (в системе установок, attitudes), или, по удачному выражению советского философа Г.Е. Глезермана, переход от знания к убеждению, а от убеждения к привычке. Из работ в этом направлении следует указать на цикл публикаций Ю.А. Шерковина (*Шерковин*, 1969), а также на модель речевого воздействия, построенную группой студентов факультета психологии МГУ совместно с автором настоящей статьи (*Гайдамак*, 1970; *Леонтьев А.А.*, 1972). Есть и еще ряд работ по психологическим проблемам эффективности МК (например, *Хараш*, 1970).

По-видимому, возможны многочисленные и очень различные показатели эффективности. Это и уровень произвольного запоминания, и относительная ошибка непосредственного восприятия, и латентное время при смысловой перефразировке и т. д. Соответствующие методики не являются в строгом смысле психолингвистическими, и нами здесь не рассматриваются. Однако существуют и такие методики, которые специфичны для данной области и разрабатываются в ее границах. Из их числа мы остановимся на двух: а) свободный ассоциативный эксперимент и б) методика «семантического дифференциала».

Что касается ассоциативного эксперимента, то его основное значение, по-видимому, заключается в возможности оценки не только количественной, но и качественной, в направлении на раскрытие содержательных, в том числе смысловых отношений, в которые включено тестируемое слово (понятие). В этом отношении ассоциативный эксперимент дает особенно характерные результаты при изучении речевых стереотипов. Другое возможное применение ассоциативного эксперимента, видимо, – межкультурные различия в осмыслении тождественных или близких по лингвистическому значению слов. Так, слово *война* вызывает у наших испытуемых резко эмоционально окрашенные ответы, в то время как, скажем, у американских студентов преобладают ответы не эмоционального, а рационального типа. Необходимо указать, однако, что успешное использование ассоциативных методик предполагает обращение к понятию ассоциативной нормы, отклонения от которой и являются показателями. Но таких источников, где давались бы нормативные сведения, мы пока на русском языке не имеем. Отсюда острая необходимость в создании ассоциативного словаря русского языка, работа над которым сейчас ведется в Научно-методическом центре русского языка при МГУ (*Леонтьев А.А.*, 1969г; Словарь ассоциативных норм русского языка, 1970).

Методика «семантического дифференциала», впервые разработанная в 1952 г. Ч. Осгудом (*Osgood, Suci, Tannenbaum*, 1957), заключается, как известно, в семантическом шкалировании тестируемых слов (понятий) на базе антонимических пар качеств типа «хороший – плохой», в результате чего мы получаем для данного слова или понятия определенные координаты в «семантическом пространстве». Хотя методика «семантического дифференциала» даже как чисто прикладная оставляет желать много лучшего, она пока наиболее разработана. В частности, на ее основе велись и ведутся исследования эффективности рекламы. Подобная работа проделана недавно в СССР (*Романович*, 1970). Что касается исследований собственно массовой коммуникации, они также производились в нашей стране, но не дали столь определенных результатов (*Негневицкая*, 1970). Ведутся поиски новых методик; ср. в этой связи интересные публикации В.А. Московича (*Москович, Вишнякова*, 1968) и др.

Наряду с проблемой методов оценки воздействия текста, как говорилось выше, возникает и проблема выбора в тексте тех опорных элементов, которые должны «представлять» этот текст в нашем исследовании, то есть так называемых «ключевых слов». Эта проблема тесно связана с проблемой так называемого «анализа содержания», разрабатываемой в США. В последнее время ряд интересных работ в области «анализа содержания» текстов массовой коммуникации осуществлен в СССР. Наряду с исследованиями в этом направлении советские психолингвисты стремятся выработать более объективные методы выделения «ключевых слов» (*Сахарный, Верхованцева*, 1970 и др.).

В советской психолингвистике, как и во всем мире, исследовалась зависимость восприятия и запоминания текстов от языковых особенностей этих текстов. Применительно к массовой коммуникации надо назвать американские работы по измерению «читабельности» текстов. К сожалению, эти работы носят ярко выраженный эмпирический характер, что значительно снижает их общую значимость и затрудняет возможность переноса их результатов на иной языковой материал. Кроме того, используемые в работах по «читабельности» критерии крайне субъективны. В СССР также ведутся работы в области «читабельности», хотя этот путь и не представляется советским исследователям наиболее перспективным (см., например, *Мацковский*, 1970 и др.). Более сложный, но и более надежный путь ведет через теоретический и экспериментальный анализ психологического воздействия отдельных характеристик текста. Подобных исследований накопилось сейчас очень много, и они нуждаются в систематизации и оценке достоверности полученных результатов. Наряду с этим многие характеристики текста, и в первую очередь «надлингвистические» – то есть прагматически ориентированные логико-композиционные и стилистические его особенности, нуждаются в дальнейшей разработке. В советской науке в последние годы уделялось много внимания именно этой проблематике, в то время как зарубежная, и в частности американская, психолингвистика уделяла (судя по публикациям) основное внимание характеристикам собственно лингвистическим. Назовем здесь работы Н.И. Жинкина, В.Д. Тункель, а из последних – Т.М. Дридзе (*Дридзе*, 1969). Нет пока сколько-нибудь общепринятой прагматической классификации текстов (ср. в этой связи: *Дридзе*, рукопись).

Специальный вопрос, много изучавшийся в СССР, – вопрос о психологической сущности речевых стереотипов. Он был поставлен еще в 20-х годах крупнейшим советским языковедом Л.П. Якубинским, собравшим и проанализировавшим с лингвистической точки зрения высказывания В.И. Ленина о так называемой «фразе» (*Якубинский*, 1926). Сейчас проблема стереотипа исследуется в СССР как в теоретическом плане (*Артемьев*, 1970; *Костомаров*, 1971), так и в плане экспериментальном (*Дридзе*, 1969). Необходимо отметить, что в осмыслении этой проблемы есть существенное различие между американскими исследователями, как правило, опирающимися на «теорию стереотипизации» У. Липпмана, идеи «политической семантики» Г. Лассуэлла и аналогичные им концепции бихевиористского характера, и советскими иссле-

дователями, стоящими на совершенно иной общепсихологической и методологической платформе.

Другую сторону проблемы эффективности текстов массовой коммуникации образуют вопросы, связанные с факторами селективности в восприятии массовой коммуникации. Здесь, по-видимому, уместно указать на то, что мы пока не имеем достаточно обоснованной теории, которая описывала бы процессы восприятия речи на высших уровнях (или, как нередко выражаются, процессы «смыслового восприятия» речи). Важнейшие работы в области восприятия речи, принадлежащие группе Л.А. Чистович в СССР, группе Г. Фанта в Швеции, Хаскинской школе в США, ограничиваются пока низшими уровнями восприятия и если и касаются высших, то только гипотетически. Поэтому работа по исследованию восприятия массовой коммуникации, видимо, должна начинаться с исследования смыслового восприятия речи вообще. Подобные исследования сейчас ведутся в нашей стране (Зимняя, 1961).

Можно указать на несколько и более частных вопросов, связанных с селективностью и получивших в СССР довольно детальную разработку. Мы имеем в виду, во-первых, вопрос о так называемых «семиотических группах», то есть группах реципиентов МК, объединяемых по признаку одинакового уровня владения речевыми навыками и умениями, необходимыми для переработки информации, получаемой по каналам МК (Дридзе, 1969). Во-вторых, сюда относятся групповые и индивидуальные стратегии восприятия текстов, исследуемые, конечно, в первую очередь на материале чтения (Берман, 1970). Наконец, исследуются проблемы влияния на восприятие МК таких факторов, как интерес (Воловик, Невельский и др., 1970), установка (Гайдамак, 1970) и т. д.

Видимо, к проблематике массовой коммуникации тяготеет и более общая проблема, которую можно обозначить как структуру и обусловленность речевого действия в специфических условиях общения. Здесь интересы советских исследователей тесно смыкаются с интересами французских (Moscovici, Faucheux, 1966; Moscovici, 1967). Но конкретные работы пока немногочисленны (Гайдамак, 1970; Леонтьев А.А., 1970). Надо указать, что работы в этой области интенсивно ведутся в социалистических странах Европы – в Румынии (Slama-Cazacu, 1964), Венгрии, Болгарии.

Насколько нам известно, только в двух странах мира – в СССР и в США – имеются попытки использования психолингвистических понятий и методов с целью оптимизации полевой лингвистической работы. И, пожалуй, только в СССР психолингвистика оказывается рабочим инструментом в диалектологии (Бородина, 1970; Кибрик, 1970; Сахарный, Орлова, 1969).

Наконец, сюда же следует отнести исследования в области психолингвистических проблем паралингвистики. Как в США и других странах, где паралингвистика развивалась в последние годы, так и в СССР она носит характер скорее семиотической, чем психологической области. Но сейчас она сделала заметный шаг в сторону психологизации (Маслыко, 1970). Такого рода уклон отчасти связан с активизацией межкультурных исследований, в свою очередь упираться в потребности практики обучения иностранному языку (см. ниже) и практики массовой коммуникации, обращенной к иноязыковой и инокультурной аудитории. Появляются и первые работы в области национальной специфики МК (Сорокин, 1970).

Применение психолингвистики в исследованиях по судебной психологии и криминалистике пока лишь начато. Здесь можно указать на несколько наиболее интересных практических задач, в свою очередь влияющих на разработку соответствующих теоретических вопросов. Это круг вопросов, связанных с опознанием человека по особенностям речи (Леонтьев А.А., 1970). Далее, это проблемы записи показаний; дело в том, что в ходе допроса сведения, сообщаемые следователю, испытывают всегда известную перекодировку, трансформируются (в плане речевых форм) так, чтобы отвечать стереотипным требованиям протокола. Кроме того, многое при допросе идет по неречевым, например паралингвистическим, каналам. Это и вызывает необходимость специальной разработки вопросов оптимизации записи показаний.

Наконец, возникает интересная проблема влияния профессионального языка юристов на их профессиональную деятельность, в частности на организацию оперативного мышления следователя (*Гранат*, 1970).

Если рассматривать проблемы инженерной психологии, нуждающиеся в привлечении психолингвистических исследований, то их можно в совокупности охарактеризовать как проблемы значимости лингвистической структуры текста для оптимизации разного рода сообщений или команд в определенных условиях приема. Типичным в этом отношении является уже упомянутый выше цикл публикаций И.М. Луцхиной, где рассматриваются проблемы, связанные с оптимальной синтаксической формой команд, получаемых и передаваемых диспетчером аэропорта (*Луцхина*, 1968а; 1968б; *Лямина*, 1958). Такого рода исследования в СССР проводились как на уровне грамматических характеристик высказывания (*Гинзбург*, *Пестова*, *Степанов*, 1968; *Кибрик*, *Ложкина*, 1968), так и на уровне его семантических (*Василевич*, 1966; Вероятностное прогнозирование в речи, 1971; *Фрумкина*, 1971), а также звуко-буквенных особенностей (*Гайда*, *Штерн*, *Михайлов*, 1968; Вероятностное прогнозирование в речи, 1971; *Фрумкина*, *Василевич*, 1968; *Фрумкина*, *Василевич*, *Мацковский*, 1970).

Важную сферу применения прикладной психолингвистики составляет в СССР методика обучения иностранному языку (включая сюда и методику обучения русскому языку как иностранному). Интерес специалистов в этой области к исследованиям по теоретической и прикладной психолингвистике особенно возрос в последние годы. Проблемы обучения, с другой стороны, представляют интерес и как своего рода «опытное поле» для психологической и психолингвистической теории, где ее сильные и слабые места сразу же обнаруживаются. С этой точки зрения можно выделить группу исследований, осуществленных в Московском институте иностранных языков имени М. Тореза (*Зимняя*, 1961; 1967а; 1967б; *Зимняя*, *Леонтьев*, 1971; *Носенко*, 1969; 1970 и др.), а также публикации харьковской группы психолингвистов (*Гохлернер*, 1968; *Гохлернер*, *Ейгер*, 1968а; 1968б; *Гохлернер*, *Невельский*, *Рапопорт*, 1970 и др.). Общая черта всех этих и большинства других исследований (см. библиографии, печатающиеся, в частности, в: Вопросы порождения речи и обучения языку, 1967; Психология грамматики, 1968; Психологические и психолингвистические проблемы... 1969; Актуальные проблемы психологии речи... 1970), которые исходят из генеральных теоретических положений советской психологической науки, – четкая противопоставленность как бихевиористским тенденциям в теории обучения, так и некоторым идеям, идущим от теории порождающих грамматик. Обсуждение этих особенностей см.: *Леонтьев А.Н.*, 1965.

Более конкретные работы можно сгруппировать вокруг трех основных проблем: а) проблема отбора и организации языкового материала для обучения, б) проблема оптимальной презентации учебного материала и обоснования используемых при этом методов и приемов и в) проблема контроля. Первой и третьей из них были посвящены специальные конференции, проведенные Научно-методическим центром русского языка соответственно в 1967 и 1969 гг. Кроме того, имеется ряд самостоятельных публикаций. Несколько менее разработаны в этом плане вопросы собственно методики обучения. Имеющиеся работы на эту тему (относящиеся в основном к последним годам), за весьма немногими исключениями, написаны без учета проблематики, разрабатываемой психолингвистикой.

Особый интерес представляют два частных вопроса, решение которых необходимо для оптимизации обучения языку. Это вопрос об оперативных единицах усвоения (*Гохлернер*, 1968; *Зарубина*, 1968) и о психолингвистических основах билингвизма и сопоставления языков для целей обучения (*Верещагин*, 1969; *Зимняя*, *Леонтьев*, 1971). Различным психологическим и психолингвистическим проблемам обучения посвящена серия сборников, выпускаемая Научно-методическим центром русского языка (Вопросы порождения речи и обучения языку, 1967; Психология грамматики, 1968; Психологические и психолингвистические проблемы... 1969).

Если работы по «психолингвистике обучения» весьма многочисленны и разнообразны, то этого никак нельзя сказать о психолингвистических исследованиях детской речи. Сам подход с этой точки зрения чужд большей части работ по детской речи, хотя среди них есть поистине классические – вроде знаменитой книги А.Н. Гвоздева, широко известной и за рубежом (Гвоздев, 1961).

В чем специфика психолингвистического подхода к детской речи? Наиболее распространенная ее трактовка сводится к установлению последовательности появления в высказываниях детей тех или иных единиц и конструкций и к количественным подсчетам относительной частотности разных классов слов в разных возрастах. Чрезвычайно редки, однако, работы, где развитие речевой способности ребенка понимается как последовательное построение многоуровневой порождающей системы, формирование и перестройка отдельных звеньев которой, доступные эксперименту, тем не менее совершенно не обязательно выражаются во внешних, поддающихся простой регистрации формах. К числу этих редких работ относятся, в частности, публикации Ф.А. Сохина (Сохин, 1959), Г.М. Ляминой (Лямина, 1958) и др. Попытка систематического анализа развития детской речи в указанном плане дана в нашей книге (Леонтьев А.А., 1969б).

В последнее время за рубежом, особенно в США, резко возросло количество работ по детской речи, в основу которых положена теория порождающих грамматик. В советской психолингвистике эта линия исследования не получила систематической разработки, так как она противоречит традиционным для советской науки общепсихологическим позициям.

Важной прикладной проблемой, связанной с изучением детской речи, является развитие осознания ребенком своей речи на разных уровнях. Об этом в СССР наряду с более ранними публикациями (например, Карпова, 1967; Лурия, 1968; Опель, 1946; Орфинская, 1946), имеются и более поздние исследования (Журова, 1963; Жарова, Эльконин, 1963; Изотова, 1970). Исследования этого типа исключительно важны в связи с подготовкой ребенка к школе и в связи с проблемами начального обучения, в частности обучения грамоте. Сейчас психолингвистические работы по развитию осознания речи заметно интенсифицируются.

Что касается психолингвистических проблем, связанных с разного рода речевыми патологиями, то они едва ли не первыми получили у нас в стране практическую разработку. Мы имеем в виду прежде всего работы по афазии. Число их сейчас огромно, назовем лишь три из них, опубликованные в специализированных лингвистических или психолингвистических изданиях: Лурия, Цветкова, 1968; Луцихина, 1955; Рябова, 1967. Почти все работы этого плана принадлежат нейропсихологам школы А.Р. Лурия. Думается, что та бесспорно лидирующая роль, которую играет эта школа в мировой афазии, в значительной мере связана с профессиональной психолингвистической ориентацией ее членов, открывающей психологам школы Лурия ранее неиспользованные возможности теоретического осмысления явлений афазии, и соответственно – новые пути восстановительного обучения.

Гораздо менее многочисленны, но весьма обоснованы исследования по различным видам речевых нарушений, особенно по нарушениям вероятностных процессов в шизофрении (Вероятностное прогнозирование в речи, 1971; Добрович, Фрумкина, 1970; Соложенкин, 1966). Наконец, особую ветвь составляют работы, где анализируются психолингвистические показатели различного рода патологических состояний.

Значительное место в советской литературе по патологии речи занимает проблема речевых особенностей в условиях сенсорных дефектов (слепота, глухота). Среди собственно психологических работ здесь имеются и бесспорно психолингвистические, например известная статья Н.Г. Морозовой (Морозова, 1946).

К сожалению, целый ряд возможностей исследования до сих пор не реализован в советской дефектологии и патопсихологии. Укажем на две из таких возможностей. Это анализ речи олигофренов и психолингвистические аспекты речи при различных острых психотических

явлениях (маниакально-депрессивный психоз и др.). Последняя проблема представляет интерес и с точки зрения задач судебно-психиатрической экспертизы.

Выше мы констатировали, что в Советском Союзе психолингвистическая теория, направляемая потребностями практики в разных областях, частично очерченных нами здесь, переживает период интенсивного развития. Попытаемся в заключение показать, в каком именно направлении она движется.

До сих пор участие речи в тех или иных формах деятельности нередко мыслится как более или менее механическое опосредование этих форм деятельности языковыми или речевыми средствами, а установление психологической «реальности» лингвистических категорий, понимаемое как поиск точных эквивалентов лингвистических единиц в психике говорящих, считается основной задачей психолингвистики. Такой подход едва ли правилен, хотя и обычен. Ему можно противопоставить три основных требования к психолингвистической теории, частично удовлетворяемых ею уже сейчас.

Первое требование связано с идеей социальной *сущности*, а не просто социального использования речевого акта, речевого общения. Эта идея имеет два аспекта. Один из них, который можно назвать генетическим, хорошо известен хотя бы по работам Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева (Лурия, 1946). Второй можно охарактеризовать как социологический. Нередко упускается из виду, что коммуникация есть не только и не столько взаимодействие людей в обществе, но и – прежде всего – взаимодействие людей как членов общества, как «общественных индивидов» (К. Маркс). Применительно к первобытному человеческому коллективу можно сформулировать это так: речь – это не столько общение во время труда, сколько общение для труда. Одним словом, речь не «прилагается» к жизни и совместной деятельности общества, социальной группы, а является одним из средств, конституирующих эту совместную деятельность. Речь по существу своему – не дело индивида, изолированного носителя языка: это прежде всего внутренняя активность общества, осуществляемая им через отдельных носителей языка или, точнее, при их помощи. Другой вопрос, что речь может использоваться индивидом, так сказать, в несобственных функциях. Соответствующая тенденция в современной психолингвистике, видимо, в значительной мере обусловленная появлением такой мощной прикладной области, как теория и практика массовой коммуникации, а также исследованиями в области этнографии и культурной антропологии), ведет к «увязыванию» психолингвистики с социологией и социальной психологией, к введению в теоретический аппарат психолингвистики новых понятий и методов и превращения ее в своего рода – пользуясь термином французского психолога С. Московичи – «психосоциологию речи».

Второе требование предполагает противопоставленную реактивным теориям идею речевой активности, трактовку речи как иерархической системы процессов, направляемых представлением о цели речевого действия и деятельности в целом. С нею связан и отказ от упрощенного понимания «психологической реальности» и поиск собственных оперативных единиц речевой деятельности (Леонтьев А.А., 1969а).

Третье требование связано с понятием эвристичности речевого действия, с тем фактом, что оно не протекает в застывших однообразных формах, а пластично подстраивается под требования ситуации и речевой задачи, используя разные возможные пути из имеющихся в запасе и широко опираясь на разного рода индивидуальные стратегии порождения и восприятия речи.

Построенная на этих не новых для нее, но пока еще не полностью усвоенных ею принципах, психолингвистика, несомненно, обретет новое качество, получит новый онтологический статус и, надо надеяться, ляжет в основу не только теории речевой деятельности, но и – в значительной мере – теории языка, в последнее время сильно тяготеющей к сближению с психологией, социологией, этнографией.

Проблемы и методы психолингвистики в межличностном общении²

I. Что такое общение? Как бы мы его ни определяли, огромная роль общения в жизни и деятельности общества несомненна. Уже сам процесс становления отдельной личности, формирования «общественного человека» невозможен без общения: если это его значение в нормальных условиях замаскировано, то, например, при обучении слепоглухонемых оно выступает с исключительной ясностью (*Меицераков*, 1971). Однако обучение в то же время есть и необходимое условие любой общественной деятельности человека, включая сюда и деятельность, индивидуальную по своим внешним проявлениям, но общественную по генезису и обусловленности (например, научную и вообще теоретическую).

Независимо от того или иного ситуативного использования общения, оно представляет собой не процесс установления контакта между изолированными личностями, психологическими «монадами», а способ внутренней организации и внутренней эволюции общества. Общение есть не только и не столько взаимоотношение людей в обществе, сколько (прежде всего!) взаимодействие людей как членов общества. Вслед за К. Марксом можно определить общение как способ (и одновременно условие) актуализации общественных отношений. Это методологическое понимание определяет и наш подход к межличностному общению, выдвигая как одну из основных проблем психологические (социально-психологические) функции общения в обществе (такие, как кооперация в трудовой деятельности, контакт, социальный контроль, групповая идентификация и противопоставление себя группе и др.).

II. Психология общения и психология межличностного общения. Основная проблематика психологии общения как отрасли общей психологии сводится к следующим трем кругам вопросов: а) психологические функции общения; б) формирование и функционирование механизмов и средств общения в их зависимости от функции общения, от особенностей личности и от других психологических факторов; в) взаимоотношение общения с другими аспектами психологической деятельности человека и с особенностями личности. В терминах Л. Тайера, психология общения имеет дело с «межличностным» и «внутриличностным» уровнями, оставляя «коммуникационную систему» и «организационный» уровень в компетенции социологии (*Thayer*, 1968).

Можно предложить следующую систему критериев, по которым производится классификация видов общения:

1. Ориентированность общения. Оно может быть социально ориентированным и личностно ориентированным. Это – различие в установке говорящего на различный тип коммуникативной ситуации, обусловленной рядом социальных и ситуативных факторов, но не связанной с ними необходимой связью (*Бгажноков*, 1973). В числе ситуативных факторов можно назвать аксиальный или ретинальный характер обратной связи в общении; пространственные (проксеимические) различия (*Watson*, 1970); характер антиципации реакции реципиента (реципиентов) (*Janousek*, 1968) и т. д. В числе социальных факторов главной является психологическая (социально-психологическая) функция общения. К числу социально ориентированных видов общения относятся массовая коммуникация, ораторская речь, реклама; к числу личностно ориентированных, прежде всего, – диадическое общение (*Borden, Gregg, Grove*, 1969).

2. Психологическая динамика общения. Общение всегда предполагает известный психологический «фон», то есть, начинается не с нуля, а с реальной или воображаемой общности

² Впервые опубликовано в кн.: Исследование рече-мыслительной деятельности. Алма-Ата: Казахский пед. ин-т имени Абая. 1974. С. 3—11. В основу статьи положен текст доклада автора на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго, 1973).

коммуникатора и реципиента (реципиентов). Эта общность может определяться распределением социальных ролей (в случае формального общения) или быть собственно психологической (знание о собеседнике, возможность моделирования отдельных сторон его личности, например, мотивов, целей и т. п., или личности в целом, точнее «направленности» личности) (Божович, 1968). В результате общения наступают те или иные изменения в психологических характеристиках реципиента (реципиентов) и коммуникатора (в силу обратной связи). Эти изменения могут происходить в сфере знаний (информирование, обучение), в сфере навыков и умений деятельности (обучение), в сфере реальной деятельности, стимулируемой общением (внушение, убеждение), в сфере мотивов и потребностей, установок, ценностной ориентации и т. п. (убеждение) (Леонтьев А.Н., 1968; Леонтьев А.А., 1972). В диадическом общении и других видах общения, объединяемых под названием «межличностного», такие изменения характеризуются особенной резкостью: «статического отношения не существует; отношения всегда или растут, или совпадают» (Borden, Gregg, Grove, 1969, p. 103—104).

3. Семиотическая специализация общения. Эта характеристика определяется тем, какие средства используются в общении. С данной точки зрения можно выделить материальное общение (К. Маркс говорил в этом смысле о «языке реальной жизни»), знаковое общение (опосредованное значениями), смысловое общение (опосредованное личностным смыслом, возникающим в психике реципиента на основе воспринятого объективного значения, но не сводимым к этому значению; о категории личностного смысла см. Леонтьев А.Н., 1972, Леонтьев А.А., 1969в; об общении искусством как типовом виде смыслового общения см. Леонтьев А.А., 1973). В свою очередь, внутри знакового общения можно выделить речевое общение; общение при помощи знаковых систем, психологически эквивалентных языку (первичных; ср. мимический язык глухонемых); общение при помощи вторичных знаковых систем с опорой на язык (азбука Морзе, флажковый код и т. п.); общение при помощи вторичных знаковых систем специфического характера (географическая карта, радиосхема); общение при помощи ситуативно осмысляемых материальных объектов, получающих *ad hoc* семиотическую нагрузку – например, подарок, присланный по почте.

4. Степень опосредованности. Это более социологическая, нежели психологическая координата общения, определяющая количество преобразований, через которые проходит исходное сообщение на пути от коммуникатора к реципиенту.

«Межличностные» виды общения характеризуются глобальностью и многоуровневостью семиотической специализации: оно использует (если не является формальным) не только язык, но и паралингвистические, проксемические средства, разного рода суггестивные приемы и т. п. Степень опосредованности в этих видах общения, в отличие от, скажем, массовой коммуникации, минимальна. Следует отметить также, что межличностное общение характеризуется развитием и все большим согласованием используемой в общении «социальной техники» (Argyle, 1967), причем смысловое общение начинает преобладать над знаковым.

Описанные критерии, несмотря на некоторое внешнее сходство (например, 1 и 4), автономны. Так, возможно общение межличностное по степени опосредованности, но социально ориентированное: это целенаправленное распространение слухов (как орудие психологической войны).

Если два первых критерия соотнесены со «стратегическими способностями» коммуникатора (Thayer, 1968), то два вторых – с его «тактическими способностями». В разделяемой нами психологической концепции (см. Леонтьев А.А., 1974) первые два критерия характеризуют предречевую ориентировку и планирование общения, а последние два – процесс общения и используемые в этом процессе средства. К проблеме ориентировочного звена общения мы обратимся ниже.

Опираясь на описанные критерии, можно, таким образом, определить межличностное общение как личностно ориентированное, различное по психологической динамике и харак-

теризующееся в этом отношении полифункционализмом, многоуровневое (имеется в виду иерархическая система уровней) по семиотической специализации и минимальное по степени опосредованности.

Предречевая (и более широко – предкоммуникационная) ориентировка заключается в соотношении речевого действия с ситуацией общения, в «выделении отдельных элементов (ситуации) в качестве последовательных ориентиров, на которые направляется и по которым контролируется выполнение отдельных операций» (Гальперин, 1966, с. 248) или действия в целом. В разных ситуациях общения эта ориентировка различна. Так, в разного рода действиях над текстом, то есть при «контролируемом вербальном поведении» Скиннера (*Skinner*, 1957), например, при пересказе текста, ориентировочным звеном общения является смысловой анализ и понимание текста. При описании картинки (равно как и в телерепортаже) в качестве ориентировочного звена выступают перцептивные действия, и т. д.

В межличностном общении ориентировка складывается из следующих основных компонентов; а) ориентировка в целях и социально-психологических функциях общения; б) ориентировка в личностных и групповых факторах общения, прежде всего в системе социальных ролей; в) ориентировка в содержании общения; г) ориентировка в собеседнике; д) ситуативная в узком смысле ориентировка, то есть учет пространственных (проксемических), временных и т. п. условий контакта, а также «микросоциологических» отношений, то есть требований этикета. Указанные выше критерии ориентированности и психологической динамики общения, характеризующие коммуникативную установку коммуникатора, и возникают как результат первичной обработки всей этой информации.

III. Психолингвистические методы в исследовании процесса общения. Возможность использования психолингвистических данных как индикаторов изменения факторов ориентировки и вообще индикаторов коммуникационной динамики определяется отмеченной выше (см. цитату из П.Я. Гальперина) внутренней связью между структурой предречевой ориентировочной активности и структурой процесса общения. Сам факт этой связи и зависимости хорошо известен в психолингвистике. Так, в зависимости от того, имеется ли при ориентировке установка на верификацию (то есть ориентировка происходит одновременно в ситуации и в тексте) или на простое описание картинки, в порождении синтаксических структур оказывается релевантным или нерелевантным фактор обратимости (*Slobin*, 1966; *Turner, Rommetveit*, 1968). Флорес д'Аркаи (*Flores d'Arqais*, 1966) установил корреляцию между перцептивной стратегией при рассматривании картинки и выбором синтаксической структуры, и т. д.

Изучение межличностной коммуникации психологическими методами было впервые предпринято в широких масштабах французским психологом С. Московичи и его сотрудниками, хотя известны и более ранние эксперименты в этой области – например, *Back*, 1961. С. Московичи различает «системы коммуникации» и «каналы коммуникации», что в общих чертах соответствует «стратегическим» и «тактическим» способностям Тайера и первой и второй паре критериев, описанных нами выше. Различия в системах коммуникации описываются Московичи при помощи понятий «давления» и «дистанции»: уровень давления определяется отношением между говорящими, уровень дистанции – отношением каждого из них к содержанию общения. При одном и том же канале коммуникации различие в системах коммуникации, как установил Московичи, является преимущественно лексическим (общий объем сообщения и его лексическое разнообразие); при одной и той же системе различие в каналах дает грамматическую вариативность сообщений (процент слов различных частей речи и некоторые другие параметры). В качестве различных каналов брались ситуации «бок о бок», «спина к спине», «лицом к лицу» и общение собеседников, разделенных перегородкой. Отступление от положения «лицом к лицу» дает увеличение процента существительных и служебных слов, умень-

шение процента глаголов, уменьшение общего объема речевой продукции (*Фоше, Московичи, 1973; Moscovici et Plon, 1966; Moscovici, 1967*).

Изложение осуществленных в СССР психолингвистических исследований коммуникации удобно начать с работы В.С. Агеева, опиравшегося на этот цикл исследований Московичи (*Агеев, 1972*). Он использовал только две ситуации («бок о бок» и «лицом к лицу»). Результаты его эксперимента сводятся к следующему: 1) подтвердились на русском языковом материале французские данные Московичи; 2) оказалось, что значима не сама ситуация (позиция), а факт ее изменения (то есть необходимость новой ориентировки); 3) ситуация «лицом к лицу» дала значительно большее число слов, непосредственно связанных с предметом беседы;

4) вдвое увеличилось число употребленных собственных имен; 5) более чем вдвое увеличилось число побудительных высказываний типа «А что думаете об этом Вы?»; 6) почти втрое увеличилось количество переформулированных повторений чужого высказывания; 7) вдвое увеличилось число высказываний, выражающих согласие, и резко уменьшилось число выражений, содержащих выражение противоречия; 8) резко увеличилось количество случаев перебивания собеседника; 9) выросло общее число реплик; 10) участилось употребление местоимений «я» и «мы» (при общем уменьшении процента местоимений и вообще служебных слов); 11) значительно, почти вчетверо, увеличилось число употребленных речевых стереотипов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.